Они росли рядом

ИННА ЗУБОВА

Воспоминания дочери В.И. Даля Екатерины Владимировны, о которых мы уже писали, кроме всего прочего ценны и тем, что как никакой другой источник дают представление о семье ее отца и близких ему людях. Сам Владимир Иванович в своих автобиографических записках сообщил, что родился после двух старших сестер. "За мною следовали, - пишет он затем, - кроме умерших в малолетстве сестер, братья: Карл, Лев и Павел. Карл был моряк и умер в Николаеве; Лев - артиллерист - убит при взятии Варшавы в 1831 году, и товарищи поставили ему памятник. Павел, не кончив курса в Дерптском университете, умер чахоткою в Риме (где ему племянник, Лев Даль, поставил памятник уже гораздо позже). Меня с Карлом отдали в Морской корпус; это было летом в 1814 году 13 1/2 годов".

Верный своему правилу мало говорить о себе, Даль только перечисляет факты, не рассказывая о том, какими людьми были его родные и какие отношения связывали его с ними. Поэтому и в литературе о нем встречаются домыслы и ошибки, связанные с его семьей. Например, кто-то из авторов, писавших о Дале, утверждал, что все его сестры умерли в детстве. Но ведь следует только более внимательно прочесть цитированную выше автобиографическую записку, чтобы понять: маленькими умерли те сестры, которые родились после брата Владимира. О том же, что две старшие дожили до зрелых лет, свидетельствует хотя бы то, что им, "милым сестрам Павле и Александре", Даль в 1832 году посвятил одну из своих первых сказок.

Дочь его Екатерина особенно много пишет о старшей из своих тетушек, которая родилась, когда Иван Матвеевич Даль служил врачом в Гатчине (ноябрь 1792 - февраль 1796 гг.) Как утверждает мемуаристка, Павел I, в то время еще великий князь, несмотря на очень натянутые отношения с доктором Далем, весьма благоволил к нему, и даже крестил его старшую дочь, Паулину-Марию.

Когда в 1814 году мать и вторая сестра, Александра, провожали Владимира и Карла в Петербург из Николаева, где в это время служил отец и жила семья, Паулина уже была замужем за П.П. Шлейденом, который, по выражению Е. Даль, "имел занятия" верстах в двадцати от города. Слово "занятия", как становится ясно по ходу чтения, означает, что это был мелкий промышленник. Позднее у него была собственная суконная фабрика в Москве. При первой попытке сватовства Паулина ему отказала. С горя Шлейден заболел, и, узнав об этом от отца, который лечил ее поклонника, девушка пожалела последнего и согласилась выйти за него замуж.

С четырнадцатилетним братом, учившимся в корпусе, она постоянно переписывалась, причем по-французски, что, как он говорил потом, очень помогло ему в изучении этого языка. Регулярная переписка Даля с сестрой продолжалась и когда он стал взрослым. В рукописном отделе Пушкинского Дома в Санкт-Петербурге хранятся его письма разных лет, которые свидетельствуют о том, что сестра всю свою жизнь была одним из самых близких друзей Владимира Ивановича.

3 марта 1819 года В.И.Даль закончил учебу в Морском корпусе, получил чин мичмана и был по его прошению направлен на службу в Николаев. Брат Карл закончил корпус годом позже и приехал туда же. Как установил литературовед из Луганска Ю.П. Фесенко, Карл служил в Николаеве до своей смерти 5 апреля 1828 года. Умер он, как писал В.И. Даль в одной из автобиографий, от чахотки.

Взрослые сыновья жили с родителями, и, как можно заключить, читая воспоминания Екатерины Даль, это иногда было нелегко. Иван Матвеевич был чрезвычайно замкнутым человеком, и это особенно угнетало его старшего сына, общительного, веселого, деятельного. Сестра, которая с детства была особенно дружна с отцом, постоянно помогала им понять друг друга, никогда не унывала и не давала унывать брату. Трудно сказать точно, в каком году она уехала с мужем в Москву, но из переписки ясно, что произошло это до 1822 г.

Как видно из писем, цитированных Екатериной Даль, Владимир Иванович делился с Паулиной всеми заботами и радостями. Особенно интересно, что уже в это время его интересовали наблюдения над природой, которые он делал во время плаваний. Он рассказывает сестре в письмах о маленьких смерчах-"тифонах" на воде во время бури, о перелетных птицах, отдыхавших на палубе корабля, радуется, что увидел среди них перепелок. Многие естествоиспытатели сомневались, что эти птицы относятся к перелетным, а он теперь в этом уверен...

Отец Даля умер в 1821 году, а незадолго до этого вторая сестра Александра вышла замуж за артиллерийского офицера П.О. Кистера, датчанина, что особенно нравилось отцу. Он называл этого зятя "своим", в отличие от немца Шлейдена, "зятя матери". "Отцовский" зять очень помог семье, взяв юнкером в свой полк брата Даля Льва, которому, когда умер отец, было всего 14 лет. К моменту, когда Даль в 1826 году приехал в Дерпт, где уже жила мать с младшим сыном Павлом, полк Льва стоял сравнительно недалеко от этого города. Е.В. Даль трогательно рассказывает, как Владимир Иванович, будучи студентом Дерптского университета, навещал брата. Для этого ему нужно было целый день идти пешком, а потому он время от времени выкраивал три свободных дня, чтобы дойти к брату вечером, провести с ним сутки и еще день потратить на обратный путь.

Придя ко Льву в первый раз, он устроил сюрприз с веселым розыгрышем. Лев был дома и у раскрытого окна напевал любимую в семье песенку. Владимир Иванович, подобравшись к окну так, чтобы его не было сразу видно, стал подпевать. Лев, который его не ожидал, был, конечно, очень удивлен и обрадован.

В.И. Даль особенно любил этого своего брата. О его гибели в 1831 году он упоминал в рассказе "Подолянка", писал в автобиографиях, рассказывал П.И. Мельникову-Печерскому, своим детям. Ведь сам он также участвовал в польской кампании и в момент штурма Варшавы как раз строил свой знаменитый понтонный мост через Вислу. Он утверждал, что, слыша канонаду со стороны Варшавы и зная, что брат там, почувствовал на расстоянии, что Лев погиб.

"Льву было 24 года, когда его убили, - пишет Е.В.Даль. - Отец всю жизнь с горем вспоминал о нем, прибавляя, что это был человек мягкий, редкого ума, честности и храбрости, что, несмотря на свое небольшое образование, он ушел бы далеко".

Когда 11 июня 1834 г. в Оренбурге у Даля родился первый сын, он назвал его Львом в память любимого брата.

Письма Даля сестре Паулине из Оренбурга, которые в ближайшее время будут опубликованы, содержат интереснейшую информацию о его жизни здесь. Пока дадим лишь небольшой обзор писем, написанных по-русски. А переписывались брат с сестрой на разных языках. С шутки по этому поводу начинается письмо Владимира Ивановича от 20 августа 1835 г., в котором он рассказывает, что скоро переедет на другую квартиру, поскольку хозяева нынешней продают дом, сетует на затруднения с изданием своих работ в Петербурге и беспокоится о матери. Она уже не в Дерпте, а, по-видимому, на пути в Астрахань, где служит зять Кистер.

Е.В. Даль в своих воспоминаниях рассказывает, правда, довольно бессвязно, о причинах отъезда бабушки из Дерпта. Ее младший сын Павел был за что-то исключен из Дерптского университета. "Павел написал отцу пререзкое письмо на могера, - пишет Екатерина Владимировна. - Но отец отвечал ему, что в его глазах могер всегда и во всем будет безусловно прав". Непонятное слово "могер" четко написано в рукописи и понималось нами первоначально как название какой-то должности в университете. Но тогда почему этот человек безусловно прав в глазах Владимира Ивановича, который на собственном опыте в Морском корпусе узнал, что педагоги бывают разными и правы не всегда? Недавно при обсуждении этого вопроса родилось предположение: а не ошибся ли переписчик, который, возможно, помогал Екатерине Владимировне? Может быть, он написал "могер" вместо "Мойер", и речь идет о хирурге Иване Филипповиче Мойере, родственнике и друге Жуковского, любимом учителе Даля и его соучеников, отцов русской хирургии Н.И. Пирогова и Ф.И. Иноземцева? Если Павел также учился на медицинском факультете и поссорился с Мойером, то понятно, почему старший брат был с ним так резок. Как известно из тех же мемуаров Е. Даль, Павел чувствовал себя виноватым перед матерью. Вскоре он заболел чахоткой и по совету брата отправился в Рим. В письмах к сестре Даль пишет о младшем брате мало, и можно догадываться, что эта тема ему неприятна не только потому, что его сердит поведение брата, но и потому, что мало надежд на его выздоровление.

Следующее письмо написано через полтора месяца после первого. Из него видно, что Даль ждет мать к себе в Оренбург. Видимо, в конце 1835 года она и приехала.

К 1836 году относятся четыре письма. В марте Даль сообщает о рождении второго сына и рассказывает о хлопотах Перовского, связанных с возможным переводом в Оренбург Кистера. В конце этого или в начале следующего года Кистер с семьей также прибыл сюда, и мать Даля жила то у сына, то у дочери. Нельзя сказать, что это была безоблачная жизнь. Уже в июне 1836 года Даль признается сестре, что "маменька", кажется, не любит его жену Юлию Егоровну, а позже, в 1838 г., рассказывает подробнее о том, что эти две женщины, несомненно, не сходятся характерами. Кроме того, мать, резкая и насмешливая, нелегко уживается и в семействе Александры, в чем есть и вина Кистера, который "большой руки чудак; примерно упрям, примерно беззаботен относительно жены и хозяйства". Впрочем, открытых конфликтов в семье не было, и хотя Даля огорчало недостаточное взаимопонимание между близкими, сам он умел ладить со всеми и был счастлив в семейной жизни.

В конце 1836 года он пишет сестре о предстоящей командировке в Петербург, собирается ненадолго задержаться у нее в Москве. Эта поездка известна прежде всего тем, что именно во время пребывания Перовского и Даля в Петербурге по делам службы произошла роковая дуэль Пушкина. Однако можно рассказать немало интересного и о том, как много важных для Оренбургского края вопросов было решено в это время Перовским при непосредственном участии Даля, и какую роль сыграла эта поездка в литературной судьбе Даля-писателя.

Летом 1837 года в Оренбург приезжал наследник цесаревич, будущий император Александр II. В день его проводов, 18 июня, умер младший сын Даля Святослав. В двух письмах Паулине Ивановне рассказывается об этой тяжелой утрате, которую Даль старается пережить, не поддаваясь горю. Следует думать о живом сыне, о том, как вырастить и воспитать его. Маленький Лев "помогает" отцу писать письма "тете Пальвине". Владимир Иванович рассказывает сестре об его играх, о том, как мальчик рад появлению в семье еще одного ребенка.

Дочь, которую хотели назвать Ольгой или Софьей, а назвали в честь матери Юлией, родилась 22 февраля 1838 года, и в первые дни после ее рождения ничто не предвещало трагедии. Однако вскоре Юлия Егоровна заболела и уже не поднялась. В большом письме к сестре от 9 июня Даль описывает ее болезнь, сообщает, что, кажется, стало немного лучше, сетует, что сам ничем не может помочь, так как у него "голова и сердце не на месте". В то же время рассказывает, что вылечил гомеопатическими средствами сестру Александру, которая болела долго и тяжело, а теперь почти здорова и, несомненно, будет совсем здорова после курса лечения кумысом. А вот для лечения жены у него просто не хватает хладнокровия. Он слушается коллег, а те больше советуются и спорят, чем действуют.

Это письмо было написано, видимо, буквально за несколько дней до смерти Юлии Егоровны. Е. Даль по рассказам отца описала ее кончину, которая, несмотря на долгую болезнь, была довольно неожиданной, похожей на смерть от сердечного приступа.

Последнее из написанных по-русски писем сестре относится к сентябрю 1837 года. Даль по приглашению Перовского живет у него на кочевке и пишет о том, как старается преодолеть горе. Он его преодолеет, но для этого нужно время. Он не из тех, кому делается легче после внешних проявлений отчаяния, кому может помочь перемена обстановки, сочувствие окружающих. Он даже жалеет, что слишком много пишет сестре о том, как ему плохо. "Мне, может быть, от этого будет на время полегче, но тебе будет тяжеле, и лучше бы мне молчать..." - замечает он.

Самой Паулине, видимо, жить оставалось не более трех-четырех лет. Из воспоминаний Е. Даль можно узнать, что еще со времени учебы Даля в Дерпте она была тяжело больна, но тем не менее сама работала на фабрике мужа. Эта фабрика была "детищем" Шлейдена, который, как говорил Даль дочери, "к людям относился как к вещам, а к вещам мог привязываться, как привязываются обыкновенно только к людям". Однако в письмах к сестре Владимир Иванович никогда не высказывал явно своего недовольства ее мужем.

Эти письма не только много рассказывают о личной жизни Даля в Оренбурге. Они свидетельствуют о том, что у него со старшей сестрой было много общих интересов, что Паулина Ивановна помогала ему в издательских делах, переводила его статьи на немецкий язык, сама интересовалась литературой и пыталась писать. Даль рассказывал ей о своих творческих планах, высказывал мнения о литературе и литераторах, давал советы. Об этой стороне их переписки - в наших следующих публикациях.

* Работа ведется при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (РГНФ).